

рассказы о самом важном

**ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ
АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ
МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ
ДИНА РУБИНА
МАША ТРАУБ
ОЛЕГ РОЙ**

и другие

ЛЮБОВЬ,

или Пускай
смеются
дети

сборник рассказов

Москва

2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Оформление серии *П. Петрова*

Л93 **Любовь**, или Пускай смеются дети : сборник рассказов / Дина Рубина, Людмила Петрушевская, Андрей Геласимов, Олег Рой, Мария Метлицкая, Маша Трауб и др. – Москва : Издательство «Э», 2015. – 416 с. – (Рассказы о самом важном).

ISBN 978-5-699-82685-8

У Кати было несчастливое детство: мать настолько сильно любила отца, что для нее не существовало больше никого. Вот и выросла девочка с ощущением сиротства, с обидой на мать и подсознательной готовностью повторить ее судьбу... Так начинается рассказ Маши Трауб. А в рассказе Андрея Геласимова ситуация противоположная – даже страшный ярлык неполноценного ребенка не мешает матери по-настоящему любить свое дитя.

В этом сборнике – рассказы о детях, смеющихся и плачущих, счастливых и несчастных, которые ждут самого главного – любви.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д., 2015
© Петрушевская Л., 2015
© Геласимов А., 2015
© Резепкин О., 2015
© Метлицкая М., 2015
© Машкова Д., 2015
© Трауб М., 2015
© Муравьева И., 2015
© Ройтбурд Л., 2015
© Тронина Т., 2015
© Борисова А., 2015
© Габышева В., 2015
© Булатова Т., 2015
© Оформление. ООО
«Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-82685-8

Хотелось бы предупредить читателя — советов как быть с детьми, как их вырастить, как воспитать в них собственных друзей на всю свою жизнь, в этой книжке не найти. Да такие советы ничего и не дают.

Но иногда нас учит не случай чужого счастья, а совсем наоборот. Мы начинаем понимать, что в данной приведенной истории, если бы она произошла с нами, мы были бы много острожней.

В этой книге содержится опыт разных людей — писателей, которые и сами родители и, что тоже очень важно, они к тому же являются свидетелями чужого семейного опыта и передают его в этой книге с возможной степенью правды. Так как иногда правда не подъемна и подлежит не описанию, а судебному расследованию.

Любовь к своим детям — распространенный и самый скорый из видов любви. Самый легковесный. Ибо любовь к своим часто сопровождается нелюбовью к чужим. Что провоцирует преступления и даже войны, самое безнравственное занятие человечества.

Но вот родительская мудрость есть терпение. Родительская мудрость есть уважение. Родительская мудрость есть строгость — прежде всего к себе.

Ваша Л.Петрушевская

ДИНА
РУБИНА

ТЕРНОВНИК

Мальчик любил мать. И она любила его страстно. Но ничего толкового из этой любви не получалось. Впрочем, с матерью вообще было трудно, и мальчик уже притерпелся к выбоинам и ухабам ее характера. Ею правило настроение, поэтому раз пять на день менялась генеральная линия их жизни.

Менялось все, даже название вещей. Например, мать иногда называла квартиру «квартикой», а иногда звучно и возвыщенно — «кооператив»!

«Кооператив» — это ему нравилось, это звучало красиво и спортивно, как «авангард» и «рекорд», жаль только, что обычно такое случалось, когда мать заводилась.

— Зачем ты на обоях рисуешь?! Ты с ума сошел? — кричала она неестественно страдальческим голосом. — Ну скажи: ты человек?! Ты не человек! Я хрячу на этот проклятый кооператив, как последний ишак, сижу ночами над этой долбаной левой работой!!!

Когда мать накалялась, она становилась неуправляемой, и лучше было молчать и слушать нечленораздельные выкрики. А еще лучше было смотреть прямо в ее гневные глаза и вовремя состроить на физиономии такое же страдальческое выражение.

Мальчик был очень похож на мать. Она натыкалась на это страдальческое выражение, как натыкаются впотьмах на зеркало, и сразу сникала. Скажет только

обессиленно: «Станешь ты когда-нибудь человеком, а?» И все в порядке, можно жить дальше.

С матерью было сложно, но интересно. Когда у нее случалось хорошее настроение, они много чего придумывали и о многом болтали. Вообще в голове у матери водилось столько всего потрясающе интересного, что мальчик готов был слушать ее бесконечно.

— Марина, что тебе сегодня снилось? — спрашивал он, едва открыв глаза.

— А ты молока выпьешь?

— Ну выпью, только без пенки.

— Без пенки короткий сон будет, — торговалась она.

— Ладно, давай с этой дрянской пенкой. Ну, рассказывай.

— А про что мне снилось: про пиратские сокровища или как эскимосы на льдине мамонтенка нашли?

— Про сокровища... — выбирал он.

...В те редкие минуты, когда мать бывала веселой, он любил ее до слез. Тогда она не выкрикивала непонятных слов, а вела себя как нормальная девчонка из их группы.

— Давай беситься! — в упоительном восторге предлагал он.

Мать в ответ делала свирепую морду, надвигалась на него с растопыренными пальцами, утробно рыча:

— Га-га! сейчас я буду жмать этого человека!!

Он замирал на миг в сладком ужасе, взвизгивал... И тогда летели по комнате подушки, переворачивались стулья, мать гонялась за ним с ужасными воплями, и в конце концов они валились на тахту, обессиленные от хохота, и он корчился от ее щипков, тычков, щекотания.

Потом она говорила своим голосом:

— Ну, все... Давай наведем порядок. Смотри, не квартира, а черт знает что...

— Давай еще немножко меня пожмаем! — просил он на всякий случай, хотя понимал, что веселью конец, пропало у матери настроение беситься.

Вздыхал и начинал подбирать подушки, поднимать стулья.

Но чаще всего они ругались. Предлогов было — вагон и тележка, выбирай, какой нравится. А уж когда у обоих плохое настроение, тогда особый скандал. Хватала ремень, хлестала по чему попадала — не больно, рука у нее была легкая, — но он орал как резаный. От злости. Скорились нешуточно: он закрывался в туалете и время от времени выкрикивал оттуда:

— Уйду!! К черту от тебя!

— Давай, давай! — кричала она ему из кухни. — Иди!

— Тебе на меня наплювать! Я найду себе другую женщину!

— Давай ищи... Чего ж ты в туалете заперся?..

...Вот что стояло между ними, как стена, что портило, корежило, отравляло ему жизнь, что отнимало у него мать, — Левая Работа.

Непонятно, откуда она бралась, эта Левая Работа, она подстерегала их, как бандит, из-за угла. Она наскакивала на их жизнь, как одноглазый пират с кривым ножом, и сразу все подчиняла себе. Кромсала этим ножом все планы: зоопарк в воскресенье, чтение «Тома Сойера» по вечерам — все, все гибло, летело к чертям, разбивалось о проклятую Левую Работу. Можно сказать, она была третьим членом их семьи, самым главным, потому что от нее зависело все: поедут ли они в июле на море, купят ли матери пальто

на зиму, внесут ли вовремя взнос за квартиру. Мальчик ненавидел Левую Работу и мучительно ревновал к ней мать.

— Ну почему, почему она — Левая? — спрашивал он с ненавистью.

— Вот балда. Потому что правую я делаю весь день на работе, в редакции. Правлю чужие рукописи. Мне за это зарплату платят. А вот сегодня я накатаю рецензию в один журнал, мне за нее отвалят тридцать рублей, и мы купим тебе сапоги и меховую шапку. Зима же скоро...

В такие дни мать до ночи сидела на кухне, стучала на машинке, и бесполезно было пытаться обратить на себя ее внимание — взгляд отсутствующий, глаза воспаленные, и вся она взвинченная и чужая. Молча подогревала ему ужин, говорила отрывистыми командами, раздражалась из-за пустяков.

— Живо! Раздеться, в постель, чтоб тебя не видно и не слышно! У меня срочная левая работа!

— Чтоб она сдохла... — бормотал мальчик.

Он медленно раздевался, забирался под одеяло и смотрел в окно.

За окном стояло старое дерево. Дерево называлось терновник. На нем колючки росли, здоровенные, острые. Пацаны такими колючками по голубям из рогатки стреляют. Мать однажды встала у окна, прижалась лбом к стеклу и сказала мальчику:

— Вот дерево терновник. Очень древнее дерево. Колючки видишь? Это тернии. Из таких колючек люди однажды сплели терновый венок и надели на голову одному человеку.

— За что? — испугался он.

— А непонятно... До сих пор непонятно...

— Больно было? — сочувствуя неизвестной жертве, спросил он.

— Больно, — согласилась она просто.

— Он плакал?

— Нет.

— А-а, — догадался мальчик, — он был советский партизан...

Мать молча смотрела в окно на старый терновник.

— А как его звали? — спросил он.

Она вздохнула и сказала отчетливо:

— Иисус Христос...

Терновник тянул к самой решетке окна свою скрюченную руку с корявыми пальцами, как тот нищий у магазина, которому они с матерью всегда дают гривенник. Если присмотреться, можно различить в сплетении веток большую корявшую букву Я, она как будто шагает по перекладине решетки.

Мальчик лежал, глядел на букву Я и придумывал для нее разные пути-дороги. Правда, у него не получалось так интересно, как у матери. Машина на кухне то тараторила бойко, то замирала на несколько минут. Тогда он вставал и выходил на кухню. Мать сидела над машинкой ссугуляясь, пристально глядя в заправленный лист. Прядь волос свисала на лоб.

— Ну? — коротко спрашивала она, не глядя на мальчика.

— Я пить хочу.

— Пей и марш в постель!

— А ты скоро ляжешь?

— Нет. Я занята...

— А почему он деньги просит?

— Кто?! — вскрикивала она раздраженно.

- Нищий возле магазина.
- Иди спать! Мне некогда. Потом.
- Разве он не может заработать?
- Ты отстанешь от меня сегодня?! — кричала мать измученным голосом. — Мне завтра передачу на радио сдавать! Марш в постель!

Мальчик молча уходил, ложился.

Но проходили минута-две, и стул на кухне с грохотом отодвигался, в комнату вбегала мать и отрывисто, нервно бросала:

— Не может заработать! Понимаешь?! Бывает так. Сил нет у человека. Нет сил ни заработать, ни жить на свете. Может, горе было большое, война, может, еще что... Спился! Сломался... Нет сил...

— А у тебя есть силы? — обеспокоенно спрашивал он.

— Здрасьте, сравнил! — возмущалась она и убегала на кухню — стучать-выстукивать проклятую Левую Работу.

У матери силы были, очень много было сил. И вообще мальчик считал, что они живут богато. Сначала, когда ушли от отца, они жили у материной подруги тети Тамары. Там было хорошо, но мать однажды поругалась с дядей Сережей из-за какого-то Сталина. Мальчик думал сначала, что Сталин — это Маринин знакомый, который ей здорово насолил. Но оказалось — нет, она его в глаза не видела. Тогда зачем из-за незнакомого человека ссориться с друзьями! Мать как-то и ему принялась рассказывать про Сталина, но он пропустил мимо ушей — скучная оказалась история.

...Так вот, мать подумала, решилась, и они «влезли в кооператив».

Мальчик придумывал грандиозное зрелище: вот он ждет их на взлетной полосе, сверкающий, узкий и легкий, как птица, — кооператив! Вот они с матерью — в комбинезонах, со шлемами в руках — шагают к нему через поле. И вот уже люк откинут, они машут толпе внизу, застегивают шлемы и наконец влезают в новейшей модели сверхзвуковой кооператив!

На самом деле все происходило не так. Мать продала много чего ненужного — желтенькую цепочку, которую прежде даже на ночь не снимала с шеи, серьги из ушей с блестящими стеклышками, кольцо. Потом стояла у окна на кухне и плакала весь вечер, потому что и цепочка, и серьги, и кольцо были бабушкиными и остались от нее на память. Мальчик крутился возле матери, ему передалось ее тоскливо-ощущение потери, и было жалко мать, которая так горько плачет из-за пустяковых вещиц, и он решительно не понимал, что происходит.

Но скоро они переехали в новую квартиру, и мать повеселела. Квартира оказалась роскошной: комната, кухня и туалет с душем. Был еще маленький коридорчик, в котором они в первый же день повесили подаренное тетей Тамарой зеркало. Комната пустая, веселая — вози грузовик в какую хочешь сторону, от стенки до стенки, и не скучай. Первое время они спали вдвоем на раскладушке. Обнимались тесно, становилось тепло, и мать перед сном рассказывала длинную историю, каждый вечер новую. И как только они умещались в ее голове!

А однажды он пришел из детского сада и увидел в комнате новую красную тахту. Мать засмеялась, потащила его, повалила на тахту и стала тискать и щипать.